

УДК 81`27  
ББК 81-112

**Г.Т. Поленова**

## **КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА КАК БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ**

В статье поднимается вопрос эволюции категории падежа в енисейском кетском языке. Автор анализирует различные теории относительно категории падежа, соотношение между синтаксисом и семантикой в определении рассматриваемой категории, роль прагматики. Путём типологических параллелей с языками других систем, в частности с индоевропейскими, утверждается, что современная разветвлённая система падежей в языках, имеющих категорию склонения, восходит к бинарной оппозиции неопределённого (инактивного) и родительного (активного) падежей.

**Ключевые слова:** *кетский язык, диахронический аспект, категория падежа, бинарные оппозиции, типология, падежные показатели, индоевропейские языки.*

**Поленова Галина Тихоновна** – докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкого языка факультета иностранных языков Таганрогского государственного педагогического института  
Тел.: 8 (8634) 37-17-12  
E-mail: polenova@mail.ru

Введённое пражской школой понятие «оппозиция» заняло своё прочное место в лингвистике. Начав свой путь с фонологии, оно пришлось как нельзя кстати и в грамматике, дав возможность более чёткого представления о морфологической категории как оппозиции грамматических форм одного и того же слова, ср. определение О.С. Ахмановой: «Категория морфологическая. Одна из основных обобщённых характеристик данного разряда слов, имеющая морфологическое выражение, т.е. проявляющаяся в противопоставлении (выделено нами. – Г.П.) грамматических форм одного и того же слова» [Ахманова, с. 191 – 192].

Категория падежа выделяется потому, что в данном языке имеется оппозиция флективных или супплетивных форм (например, при склонении личных местоимений в большинстве языков), выражающих разное коммуникативное и синтаксическое значение. Мы согласны с Дж. Лайонзом, что «категории падежа невозможно дать удовлетворительное общее определение в семантических терминах» [Лайонз, с. 306], с одной стороны, и в то же время «один и тот же падеж может реализовать более чем одну синтаксическую функцию, и конкретная синтаксическая функция может реализоваться разнообразными средствами в одном и том же языке» [Там же, с. 309], – с другой стороны.

Соотношение между синтаксисом и семантикой всегда было основным предметом споров в генеративной грамматике. Н. Хомский отстаивал автономию синтаксического компонента, в то

время как приверженцы порождающей семантики пытались совместить синтаксис и семантику. В результате они становились неразличимыми. В референциально-ролевой грамматике (РРГ) во главу угла ставится общение, т.е. она пытается анализировать грамматические системы с учётом коммуникативной функции их элементов. К синтаксису и семантике добавляется прагматика. Взаимодействие между синтаксисом, семантикой и прагматикой рассматривается как отношение, при котором синтаксические конструкции предопределяются взаимодействием семантических и прагматических факторов. «Синтаксическая структура высказывания рассматривается как результат взаимодействия между намерениями говорящего сообщить пропозиционально формулируемую информацию, с одной стороны, и ограничениями, накладываемыми социальным и лингвистическим контекстом, в котором осуществляется высказывание, с другой» [Ван Валин, Фоли с. 378]. Приведённые положения РРГ вполне работают на диахронию языка, особенно в случае бесписьменных языков. Что ещё, если не коммуникация и прагматика, определяло исконно строй языка?

К падежной системе РРГ подходит с ролевых позиций, т.е. тематических отношений. Различаются две разные системы падежных ролей: базисная и производная. Базисная система состоит из единственного бинарного противопоставления партиципантов: актора и претерпевающего, причём актор не эквивалентен падежной роли агенса, а претерпевающий не то же самое, что пациент [Там же, с. 384]. В этом отличие падежных ролей РРГ от ролей, описанных Филлмором (1968), у которого только основные роли были: агент, пациент, инструмент, цель, источник и локатив.

В данной работе мы намерены свести множество падежных форм флективных и полисинтетических языков к двум, т.е. к бинарной падежной оппозиции, при которой «актор» будет называться «активный падеж», а «претерпевающий» – «инактивный падежом», по Г.А. Климову [Климов, с. 83 и сл.]. Примером служит бесписьменный енисейский кетский язык, но наши выводы будут носить общетипологический характер.

В кетском языке А. Кастрен выделил восемь падежных форм: *Nominativ*, *Genitiv*, *Dativ*, *Locativ*, *Ablativ*, *Comitativ/Instructiv*, *Prosecutiv* и *Caritiv* [Castrén, с. 28–32]. А.П. Дульзон различает уже одиннадцать: основной (именительно-винительный) – падеж субъекта и прямого объекта; притяжательный или родительный; дательно-направительный, отвечающий на вопросы «кому, куда»; исходный, отвечающий на вопросы «от кого, откуда, с какого времени»; местно-личный («у кого, у чего»); назначительный («для кого, для чего»); орудно-совместный («кем, чем, с кем, с чем»); продолжный («вдоль чего»); лишительный («без кого, без чего») и звательный [Дульзон, с. 69–70]. Этим же падежам посвящено диссертационное исследование М.Н. Валл «Употребление падежей в кетском языке» (1970). Однако в совместной монографии с И.А. Канакиным в 1985 г. «Категория имени в кетском языке» М.Н. Валл вме-

сте с соавтором пересматривает свои взгляды и не считает возможным включать в парадигму назначительный, звательный, местно-временной, орудно-совместный, лишительный и продольный падежи, оставив в парадигме лишь пять падежей [Валл, Канакин, с. 27]. Г.К. Вернер в книге «Die ketische Sprache» (1997) оставил одиннадцать падежей, как у А.П. Дульзона, назвав их: Absolutiv, Genitiv, Dativ, Benefaktiv, Ablativ, Adessiv, Lokativ, Prosektiv, Komitativ, Karitiv, Vokativ [Werner, S. 104 – 117]. Почему же такие разночтения материалов языка?

Ещё А. Кастрен предположил, что первоначально кетский язык имел два падежа: Locativ и Ablativ и что «остальные окончания падежей первоначально были энклитическими частицами» [Castrén, p. 25, перевод наш. – Г.П.]. Дальнейшие исследования вносили различные уточнения. Так, А.П. Дульзон в своём фундаментальном труде отметил более подробные особенности кетского склонения. Он указал на то, что кетскому имени существительному свойственна категория одушевлённости и неодушевлённости. У одушевлённых предметов кеты различают пол. В связи с этим он вывел два ряда падежных аффиксов для одушевлённых имён существительных и местоимения третьего лица *bi* «он, она» в формах притяжательного, дательного, исходного, местно-личного, назначительного и звательного (для существительных) падежей. «Одна серия аффиксов выражает одушевлённость вообще или же выделяет значение мужского пола, а другая серия аффиксов присоединяется к названиям неодушевлённых предметов, но всегда только существ женского пола» [Дульзон, с. 70].

А.П. Дульзон первым обратил внимание на то, что все падежи с показателями с начальным звуком *d* (ед. число) или *n* (мн. число) «могут рассматриваться как производные от формы притяжательного падежа» [Там же]. Эти падежные аффиксы могут употребляться самостоятельно в роли личных местоимений.

Аффиксы с начальным звуком *d* во множественном числе принимают существительные неодушевлённые, что дало возможность Г.К. Вернеру усмотреть три типа склонения кетских имён существительных: вещное (неодушевлённое), мужское и женское. К первому типу относится большинство существительных. Для них характерно следующее: одинаковые падежные показатели в ед. и во мн. числе; гласный *i* в падежах с *d*; отсутствие звательной формы [Werner, с. 104]. Приведём кетские падежные показатели (таблица).

Обратимся к индоевропейским языкам, в частности к германским. В немецком языке ещё в средние века родительный падеж сохранял свои позиции, которые он занимал в древневерхненемецком языке, выступая как приименной, приглагольный и приаъективный падеж. Он также мог употребляться при числительных, вопросительных местоимениях, отрицаниях, междометиях и т.д. В древневерхненемецком языке целый ряд значений родительного падежа является свободным, т.е. не зависит от семантики или формы слова, с которым соотносится генитив.

## Кетские падежные показатели имени существительного

| Падеж             | Единственное число |                         | Множественное число                    |                      |
|-------------------|--------------------|-------------------------|----------------------------------------|----------------------|
|                   | Мужской класс      | Женский и вещный классы | Одушевлённый класс (мужской и женский) | Неодушевлённый класс |
| Основной          | - $\emptyset$      | - $\emptyset$           | - $\emptyset$                          | - $\emptyset$        |
| Родительный       | - <i>da</i>        | - <i>di</i>             | - <i>na</i>                            | - <i>di</i>          |
| Дательный         | - <i>daŋa</i>      | - <i>diŋa</i>           | - <i>naŋa</i>                          | - <i>diŋa</i>        |
| Бенефактив        | - <i>data</i>      | - <i>dita</i>           | - <i>nata</i>                          | - <i>dita</i>        |
| Исходный          | - <i>daŋal'</i>    | - <i>diŋal'</i>         | - <i>naŋal'</i>                        | - <i>diŋal'</i>      |
| Адессив           | - <i>daŋta</i>     | - <i>diŋta</i>          | - <i>naŋta</i>                         | - <i>diŋta</i>       |
| Локатив           | -                  | - <i>ka/-ŋa</i>         | -                                      | - <i>ka/-ŋa</i>      |
| Продольный        | - <i>bes'</i>      | - <i>bes'</i>           | - <i>bes'</i>                          | - <i>bes'</i>        |
| Орудно-совместный | - <i>as'</i>       | - <i>as'</i>            | - <i>as'</i>                           | - <i>as'</i>         |
| Каритив           | - <i>an'</i>       | - <i>an'</i>            | - <i>an'</i>                           | - <i>an'</i>         |
| Вокатив           | - <i>o</i>         | - <i>a/-</i> ^          | - ^                                    | -                    |

Отмечая в целом многофункциональность формы родительного падежа, мы хотели бы здесь обратить внимание на морфологическое выражение немецкого генитива **-es**, являющееся также многофункциональным в немецком языке. «Es» как самостоятельное слово может быть личным, безличным и указательным местоимениями, а как морфемобразующий элемент может быть суффиксом множественного числа существительных *-er* > \**-ir* > \**-is* > \**-es*, окончанием артикля м. и ср. рода в родительном падеже ед. числа, показателем ср. рода у прилагательных сильного склонения.

В готском языке, сохранившем трёхморфемную структуру существительных, окончания родительного падежа в сочетании с «тематическими» гласными выглядят, как: *-is*, *-os*, *-us*; при согласных и при корневых основах — *-s*.

Сопоставление различных индоевропейских языков даёт, по О.Семереньи, окончания *-s*, *- $\emptyset$*  в номинативе, *-m* в аккузативе, *-es/-os/-s* в генитиве и *es/-os/-s*, *-ed*, *-od* в аблативе. «Падежные показатели и правила их присоединения к основам... были первоначально общими для всех классов основ, другими словами, существовало только одно склонение.... В конце основы могли находиться все согласные. Следовательно, имелись *-p/-t/-k*-основы, *-s-* и *-m/-n/-l/-r*-основы и т.д. Из гласных, напротив, в конце основы могли стоять только *i*, *u*, *o* и *ī*, *ū*, *ā*, но не *a* (*e* вместе с *o* объединены в одном классе, так называемом тематическом или *-o*-классе)» [Семереньи, с. 170 – 171]. Примечательно также, что

-о-основы относились к категории мужского и среднего рода с формами для номинатива соответственно -os и -om. Существительные женского рода на -os О. Семереньи считает инновацией классических языков, а существительные среднего рода на -os (-us) – инновациями латинского языка [Там же, с. 195]. Основы на -a «в принципе женского рода. Однако во многих языках среди них встречаются также слова мужского рода», имеющие те же окончания [Там же, с. 203] Обратим ещё внимание на факт, отмеченный И.М.Тронским, что в хеттском языке формы творительного падежа, отложительного и, как правило, родительного, безразличны к числу. Отложительный падеж имел особую форму только в ед. числе для основ на -e/-o. «В прочих случаях форма отложительного падежа единственного числа совпадала с формой родительного падежа» [Тронский, с. 144].

А.Н. Савченко считал, что падежных форм в праиндоевропейском языке было две: с окончанием \*-es и без окончания. «Каждая из этих форм могла выражать как единичный предмет, так и совокупность их; категории числа не было.... Размежевание номинатива и генитива происходило, вероятно, в связи с развитием категории числа» [Савченко, с. 74 – 75]. Форма на \*-es противопоставлялась чистой основе, которая и поныне выполняет функции номинатива и аккузатива среднего рода в индоевропейских языках. Исключение составляли основы на \*-o, которые в этих случаях имели окончание \*-m, которое признано вторичным [Там же, с. 75 – 76]. Чистая основа выполняла различные функции: аккузативные, определительные, локативные и др. «Это был *casus indefinitus*, грамматическое значение которого зависело от позиции в предложении» [Там же, с. 80]. Генитив выполнял первоначально прилагательные функции. Чаще всего он обозначал объект, лишь частично подвергавшийся действию, например готск. *Pis hlaibis matjai* ‘пусть поест хлеба’. Генитив обозначал объект восприятия или мысли при глаголах ‘слышать’, ‘внимать’, ‘думать’, ‘заботиться’, ‘знать, узнавать’, ‘помнить’, ‘забывать’ и т.п., ср.: готск. *Gamuneip qenais Lodis* ‘Вспомните о жене Лота’. Генитив выражал также предмет желания, стремления (готск. *Jabai hwas aipiskaupeins gairneip godis waurstwis* ‘если какой епископ стремится к добрым делам’); объект управления со стороны господствующего лица, а также место и время (готск. *Gaggida landis* ‘прошёл по стране’, *nahts* ‘ночью’) [Там же, с. 85 – 86]. Индоевропейским архаизмом назвал А.Н.Савченко значения дативного и локативного характера в прилагательном генитиве в хеттском языке. Он пришёл к выводу, что падеж на \*-es выражал субъект при глаголах действия, косвенный объект и место. Автор признал этот падеж эргативным [Там же, с. 89 – 90]. К.Х. Шмидт предположил, что индоевропейской номинативно-аккузативной конструкции предшествовала «синтагма, состоящая из активного и неопределенного падежей [Шмидт, с. 10].

По Фр. Шпехту, различные типы основ: на -e/-o, -i, -u, -n, -men, и на -l/-r представляют собой сложение из корня и основы указательных местоимений [Specht, S. 353]. В связи с этим уместно привести мнение

Фр. Адрадоса, что флектированные категории в индоевропейском языке сравнительно позднего происхождения и что протоиндоевропейский на древнейшей стадии представлял собой нефлектированный язык типа китайского языка [Adrados, S. 1].

В свете изложенного путь развития категории родительного падежа и категории падежа в целом видится в полном соответствии с континентальной типологией в концепции Г.А. Климова [Климов, с. 83]. Начало этого пути характеризуется отсутствием всех грамматических категорий. Отношения между словами устанавливались только порядком слов и, возможно, тоном, ударением, интонацией. Большую роль играли многочисленные дейктические частицы, многие из которых стали указательными местоимениями, а в дальнейшем показателями грамматических категорий. Они представляли собой слог CV или VC [Поленова, с. 20 – 21]. Второй вариант является метатезой первого. «'Не на своём месте' используется как активное средство создания дополнительных смыслов» [Николаева, с. 41]. Совершенно справедливо Т.М. Николаева считает частицы древнейшим элементом, «кирпичиками, из которых создаются все слова коммуникативного фонда» [Там же, с. 37]. В кетском языке падежные форманты носят ярко выраженный агглютинативный характер. Все падежные морфемы могут быть отделены от именной основы и употребляться дистантно. Они находятся на пути развития от служебного слова к суффиксу флективных языков. Показатели родительного падежа ед. числа *-da* (мужской класс, ср. *ad* 'я') и *-di* (женский класс) до сих пор могут употребляться в отрыве от ранее названного имени и превращаться в префиксы с притяжательным значением. Посессивное отношение может быть выражено сопоставлением двух существительных в основном падеже.

По мнению Б.А.Серебрянникова, в протоуральском, как и в других языках, существительное могло быть определением другого существительного при наличии связи, осуществляемой путём обычного примыкания [Серебрянников, с. 69]. Ср. копулятивные словосложения в истории немецкого языка типа *Werwolf* [Paul, S. 70].

При классном строе классифицирующим строевым элементом является согласный (ср. точку зрения О. Семереньи, приведённую выше), а гласные *i, u, a/o/e* – это дейксисты лица, места, направления, расстояния.

Бинаризм словоформ для одушевленных предметов и неодушевленных проявляется при раннеактивном строе, соответственно маркированных и немаркированных, что можно считать началом процесса образования системы из двух падежей (см. выводы А.Н.Савченко выше). При активном строе формируются первичные грамматические категории.

Падежные системы енисейского кетского и самодийского селькупского языка четко различают две группы падежей, образованных соответственно от форм основного и родительного падежей. В енисейских языках у неодушевленных имён совпадают все падежные показатели в ед. и мн. числе. Существительные мужского и женского класса во мно-



жественном числе объединяются в класс одушевлённых существительных, а в ед. числе мужской класс (активный) противостоит женскому и неодушевлённому как инактивному классу (см. таблицу). Ср. имена активного класса, получающие окончания *\*-t* или *\*-ot* в индоевропейском.

Таким образом, категория падежа исторически предстаёт как бинарная оппозиция.

### Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2007.
- Валл М.Н., Канакин И.А. Категории имени в кетском языке. Новосибирск, 1985.
- Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М., 1982.
- Дульзон А.П. Кетский язык. Томск, 1968.
- Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. Л., 1976.
- Климов Г.А. Типология языков активного строя. М., 1977.
- Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Николаева Т.М. От звука к тексту // Языки русской культуры. М., 2000.
- Поленова Г.Т. Происхождение грамматических категорий глагола (на материале енисейских языков). Таганрог, 2002.
- Савченко А.Н. Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском языке // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
- Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М., 1964.
- Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). М., 2001.
- Шмидт К.Х. Значение новых данных для реконструкции праязыка // Вопр. языкознания. 1988. №4.
- Adrados Francisco R. Der Ursprung der grammatischen Kategorien des Indoeuropäischen // Grammatische Kategorien. Funktion und Geschichte. Akten der VII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Berlin, 20. 25. Februar 1983. Wiesbaden, 1985.
- Castrén A.M. Versuch einer jennissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. St. Petersburg, 1858.
- Paul H. Deutsche Grammatik. Band 5. Halle (Saale), 1959.
- Specht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944.
- Werner H. Die ketische Sprache. Wiesbaden, 1997.